

АНАТОМИЯ КОНФЛИКТА

Андрей **ИВАНОВ**, доктор исторических наук
Александр **РЕПНИКОВ**, доктор исторических наук

«ЗЛОВЕЩИЙ ЛИК ВИЛЬГЕЛЬМА КРОВАВОГО»

Германский император в оценках русских консерваторов

Holzchnitt von J. J. Weber in Leipzig.

Wilhelm II., Deutscher Kaiser.

Накануне Первой мировой войны подавляющее большинство представителей русского консервативного лагеря было убеждено в необходимости для России если не откровенно союзнических, то, по крайней мере, мирных и деловых отношений с Германской империей, которая в силу своего политического устройства была им гораздо ближе конституционной Англии и республиканской Франции. Не последнюю роль в прогерманской внешнеполитической ориентации русских правых кругов играли и многолетние династические и экономические связи, существовавшие между двумя империями, длительное отсутствие военных конфликтов между русскими и немцами, а также кажущееся отсутствие неразрешимых внешнеполитических противоречий¹. Но было и ещё одно важное обстоятельство. Трезво оценивая политическую ситуацию, а также военный и экономический потенциал тогдашней России, консерваторы приходили к неутешительному выводу: война с Германией грозит катастрофой. В связи с этим правые круги прилагали активные усилия для того, чтобы если не избежать, то хотя бы максимально оттянуть военный конфликт с достигшим к 1914 году небывалого могущества германским рейхом.

В соответствии с этими убеждениями Вильгельм II изображался русскими консерваторами как «император-рыцарь», человек чести, как один из немногих монархов Европы, сохраняющих верность христианским традициям, как человек, заинтересованный в дружеских отношениях с Россией. Издатель консервативного «Нового времени» Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912) откровенно признавался: «С самого вступления на престол Вильгельма II я чувствовал уважение к германскому монарху, к его таланту управлять и пользоваться обстоятельствами². Рабочий стол лидера Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА) Владимира Митрофановича Пуришкевича украшал портрет кайзера, которого он называл «выдающимся человеком в мире»³. А лидер Союза русского народа (СРН) Николай Евгеньевич Марков, по словам его соратника Михаила Яковлевича Говорухо-Отрока, «хвалил императора Вильгельма, плюющего на конституцию и прижавшего хвост социалистам»⁴. Лев Александрович Тихомиров восхищался позицией кайзера, объявившего о своем намерении послать войска для усмирения восстания в Китае и с одобрением цитировал в дневнике стихотворение Владимира Сергеевича Соловьёва «Дракон», посвящённое «Зигфриду» (Вильгельму II) и написанное в связи с «боксёрским восстанием» и решением германского императора начать интервенцию:

*Из-за кругов небес незримых
Дракон явил своё чело, —
И мглою бед неотвратимых*

*Грядущий день заволокло.
Ужель не смолкнут ликованья
И миру вечному хвала,
Беспечный смех и восклицанья:
«Жизнь хороша, и нет в ней зла!»
Наследник меченосной рати!
Ты верен знамени креста,
Христов огонь в твоём булате,
И речь грозная свята.
Полно любовью Божье лоно,
Оно зовёт нас всех равно...
Но перед пастью дракона
Ты понял: крест и меч — одно.
24 июня 1900⁵*

Стихи понравились Тихомирову, высоко оценивавшему Вильгельма, который, по его мнению, был «замечательно хорош», оставшись «верен знамени креста» и выйдя на борьбу «с языческим драконом».

Конечно, были в консервативном лагере и нелицеприятные оценки личности кайзера, но в публичное пространство они, как правило, не попадали, дабы не поддерживать тем противников российско-германского сближения. Идеолог позднего славянофильства генерал Александр Алексеевич Киреев (1833–1910) на страницах своего дневника давал подчас Вильгельму далеко не лестную характеристику, именуя его «резким и несимпатичным», «шалым», «диким», «совсем спятившим», «упрямым, своевольным и деспотически настроенным»⁶. Но при этом с сожалением констатировал: «...Жаль, что мы не сошлись с ним (ведь Россия и Германия могли сделать всё что угодно)... А сойдись мы — весь мир в наших руках!»⁷

Однако «сойтись» не получилось, и начавшаяся в 1914-м война кардинально изменила отношение к «вероломному кайзеру», моментально ставшему объектом многочисленных карикатур, фельетонов и издевательских виршей. В эту кампанию против германского императора активно включились и консерваторы. Как не без иронии замечал правый публицист Павел Фёдорович Булацель, «теперь, слава Богу, никому не возбраняется... утверждать, что все немцы изверги и вся германская культура представляет сплошной сумасшедший дом, где хозяйничает тот самый дегенерат Вильгельм II, который в течение 25 лет очаровывал своим умом, красноречием, находчивостью, разносторонними познаниями и неутомимую трудоспособностью всех английских, русских и шведских профессоров и писателей»⁸.

Видный консервативный деятель граф Сергей Дмитриевич Шереметев писал в первые дни войны в частном письме: «Радуюсь одному, что не наш почин, а рехнувшегося кесаря (кайзера. — Авт.). Дорезвиться до мировой войны — вот торжество из торжеств»⁹. «Вильгельм играет ва-банк, и для

него нет ничего святого, — продолжал граф в другом письме. — Признаюсь, я не считал его способным на такую отчаянную и неразумную выходку — как объявить войну всему миру и притом разорвать завещанные ему дедом традиции. Сдаётся мне, что он просто рехнулся»¹⁰. «Не думаете ли вы, — развивал свою мысль Шереметев в третьем письме, — что Вильгельм, взявший на себя лично почин кровопролития и мечтающий о владычестве над миром, в действительности рехнулся и что Германия нуждается в психиатре для своего кесаря...»¹¹

Разочарование консерваторов было велико. Вильгельм II в одночасье превратился в «припадочного безумца», ввергшего мир в бессмысленную кровопролитную бойню. То обстоятельство, что в русских консервативных кругах им долгое время восхищались, желали видеть в нём (в отличие от австрийского императора Франца Иосифа I) союзника России, лишь усиливало раздражение в отношении кайзера, разрушившего надежды на мирное и взаимовыгодное сосуществование двух оплотов монархизма в Европе. «Современные правительства России, Франции и Англии всемерно стремились сохранить мир, испробовав для этого все средства — до примирительного решения заинтересованных и третьих держав включительно, чтобы удовлетворить самые придирчивые требования Австрии. Всё было напрасно пред силой и проявлениями милитаризма и пред непримиримостью императора Вильгельма, который хотел войны и искал её, притворно скрывая свои намерения и выставляя Австрию вперёд», — писал в связи с этим психиатр, русский националист и отец знаменитого авиаконструктора Иван Алексеевич Сикорский. Он считал, что, развязав мировую войну, «Германия проявила в лице императора Вильгельма вековые инстинкты немецкой расы и демонстрировала эти инстинкты такими проявлениями, которые в течение короткого времени сделали самое имя немцев синонимом чего-то архаического, дикого, неслыханного, о чём уже забыло вспоминать современное человечество»¹².

В том, что кайзер воплощает в себе все худшие черты немецкой нации, не сомневался и другой психиатр, публицист националистических взглядов Павел Иванович Ковалевский. «Император Вильгельм не есть самостоятельное лицо, — писал он. — Он только наиболее резкое выражение общего немецкого духа, немецкой солдатчины. Более 25 лет назад я высказал свой взгляд на Вильгельма как неврастеника, и последующее время вполне подтвердило моё мнение. На эту-то неврастеническую почву пало современное немецкое солдатское воспитание и дало блестящий плод, особенно в последней войне... Мечты о мировом господстве — мечты всего немец-

кого бюргерства, в Вильгельме II они сконцентрировались в виде квинтэссенции. Но так как Вильгельм глава и повелитель народа, то и душевное состояние его сумасбродства царит над всеми и является в патологически широчайших размахах... Являясь воплощением грубой, нахальной, дерзкой, напыщенной, самонадеянной и самохвальной немецкой нации, Вильгельм сознавал необходимость проявления культурности по отношению к окружающим и потому всеми мерами старался льстить и заискивать и у России, и у Франции, и у Англии и т. д. Но все ясно видели напыщенную ложь, лицемерие и наглость». И начало войны, резюмировал Ковалевский, показало всему миру, что под маской любезности и куртаузности, за которой скрывал своё истинное лицо кайзер, оказался «просто хам»¹³.

Проявленная в ходе войны немецкими солдатами жестокость по отношению к славянским народам, надменность и высокомерие ряда германских политических и военных деятелей трактовались русскими правыми публицистами как прямое последствие ницшеанства, превратившего культурный и трудолюбивый народ в вознёсшихся над остальным миром «сверхчеловеков». И здесь главная вина также возлагалась на кайзера. «Стихийный ураган, зарождающийся под экваториальным солнцем в котле Мексиканского залива, взлетающий над океаном и мчащийся к Европе, не в состоянии наделать и тысячной доли тех бед, что наделало ницшеанство, практически созревшее под каской кайзера Вильгельма»¹⁴, — писал ведущий публицист «Нового времени» Михаил Осипович Меньшиков. «Современная Германия, вернее сказать — Пруссачество, связана с двумя именами: её властителем — Вильгельмом и философом-развратителем Ницше, — вторила Меньшикову писательница Ольга Алексеевна Новикова, сестра славянофила А. А. Киреева. — Второй уже кончил своё существование в доме для умалишённых. На возможный конец первого охотно указывают в Англии. Да и подлинно: разве можно считать нормальным человека, ни с того ни с чего вызвавшего на бой три Великих Державы, к которым естественно присоединились... Бельгия, Сербия и Черногория»¹⁵.

Лидер СРН Марков, стремительно изменивший свою прежнюю риторику в отношении Германии и немцев, развивал эту мысль ещё дальше. Выступая на одном из патриотических вечеров, устроенных монархистами, Николай Евгеньевич, не жалея красок, рисовал следующую страшную картину: «Поблекли образы Наполеона, Аттилы, Тамерлана. В океане человеческой крови, среди развалин, мы зрим зловещий лик Вильгельма Кровавого. 50 лет мечтали народы Европы. Выработывали нормы о мире

и сокращении вооружений, нормы международного права: Женевская конвенция, Гагская конференция, съезды пацифистов. Лиги мира выработывали правила войны, запрещали трогать мирное население, стрелять разрывными пулями, мучить раненых, убивать пленных. 50 лет народы Европы мечтали о благах мира, о разоружении. А все эти 50 лет германцы мечтали о благах войны и без шума и огласки систематично вооружались против Европы. Христианские правители народов Европы влеклись к выполнению завета Христова к добру, милости и всепрощению, а германские правители, злорадно смеясь, ковали в подземельях Круппа оковы для всего человечества, готовили из своего народа палачей, уничтожителей христианства, лихорадочно изготовляли орудия истребления людей. Мы, христиане, учили детей наших жить в мире и добре. Они, германцы, учили своих детей военным упражнениям и презрению и ненависти ко всему негерманскому. Мы мечтали о всечеловечестве. Германцы о всегерманстве. ... Мы обрабатывали нивы, они отливали чудовища-пушки. Мы искали Христа, Германцы Антихриста. И вот грянул гром, перекрестился русский народ: «Чур нас, нечистая сила!» Из огненных недр подземных заводов, скрежеща стальными зубами, отравляя дыхание убийственными газами, кидая миллионы смертей, пуль, бомб и мин, на ужаснувшееся человечество набросился с окровавленной пастью зверь Апокалипс, Антихрист и, как истый Антихрист, он прикрылся именем Божьим»¹⁶. К такой трактовке был близок и лидер московских монархистов протоиерей Иоанн Восторгов: «Вот они, свободные политические учреждения Европы, воспитавшие, однако, нового мирового зверя, антихриста, не только Вильгельма, но целый немецкий народ!»¹⁷ «...Вильгельм в действительности довёл свою страну до «осатанения», всюду стараясь сеять вражду, подкуп, горе и зло»¹⁸, — отмечала Новикова.

Радикально изменил своё отношение к кайзеру и Пуришкевич, у которого Вильгельм II из «выдающегося человека в мире» превратился в «величайшего наглеца и величайшего лжеца», «коварнейшего человека, каких за сто лет не знал мир», став «одним из самых подлых людей, каких только можно себе представить в современной истории»¹⁹. При этом, как и другие русские консерваторы, Владимир Митрофанович в годы войны утверждал, что германский император является типичным представителем и носителем общегерманских настроений в целом. «В прессе у нас выставляют Вильгельма главным виновником событий, которые разыгрываются сейчас в мире... [Но. — Авт.] личность может иметь только до некоторой степени влияние на ход

исторических событий в жизни народа. Вильгельм явился орудием исторических судеб Германии, орудием, нужно сказать, с точки зрения своего народа, талантливым. Он выполняет лишь ту волю, которую ему предписывает германский народ. Вильгельм стоит впереди стихии, которая направилась на запад и на восток с тем, чтобы добиться владычества»²⁰. Прежнее очарование кайзером Пуришкевичу приходилось объяснять тем, что Вильгельм оказался «ловок, тонок и хитёр» и «всю свою жизнь был не то, что он есть»²¹. В написанных в годы войны в духе «ура-патриотизма» незамысловатых стихах-песнях лидер РНСМА достаточно зло высмеивал «сухорукого» кайзера («Вильгельм, поднявши руку ручкой, / Повёл на Русь свои полки...») и, обращаясь в поэтической форме к российскому самодержцу, требовал суровой кары для зачинщика войны:

*Кровопийце не дай снисхождения
Свет наш, солнышко, Царь и Отец,
Сорных трав вырывают кореня:
Посчитайся ты с ним под конец.
В Питер-град привези сухорукого
И по шири им выжженных нив
Прикажи от канала от Крюкова
Развези его, в клетке смилив!
Пусть плевком, обагрённого кровию,
(А я первым за это берусь),
Пусть Вильгельма омоет с любовью
Вся как есть благодарная Русь!»²²*

В вину кайзеру вменялась и вопиющая неблагодарность к России, которая неоднократно приходила на помощь австрийцам и вообще немцам. «...Стоит, чтобы вы кому-нибудь сделали значительное одолжение, чтобы в его лице вы преобрили себе если не врага, то недоброжелателя. — замечал П. И. Ковалевский. — Россия в последние двести лет сделала слишком много для Австрии и Пруссии, чтобы вполне заслужить их неприязнь и ненависть. Так, Пётр Великий, завоевав Лифляндию у шведов, отдал её саксонскому князьку. Точно так же и Померания была очищена Петром I от шведов в пользу немцев. Нужно ли говорить о дарах Петра III немцам?... В эпоху Наполеона I сколько раз Австрия была выручаема русскими, и без русских самого названия «Пруссия» не существовало бы... Кто не знает факта, что король прусский после войны 1812 года на лобном месте в Москве сам преклонил колена и детей своих заставил сделать тоже перед своей спасительницей... Прусский император забыл, что очень недавно его предки были изгнаны из Берлина Наполеоном I и нашли приют в России. Император Вильгельм II вероятно не знает, что королева Луиза вынуждена была получать в подарок от русской императрицы платье... Император Вильгельм, вероятно, не знает слов ко-

ролевы Луизы, что она встанет из гроба, если узнает после смерти, что кто-либо из её потомков мог когда-либо забыть, всё, чем она и король обязаны императору Александру и России, и что её семья и их страна в неоплатном долгу перед Россией... Россия могла бы предъявить этот вексель... Император Вильгельм всего этого не знает?... О, нет, — он знает, — знает хорошо, — но демон гордости, надменности и самостоятельности давит его и заставляет отомстить за всё то добро, какое оказала немцам Россия...»²³

Интересна позиция Л. А. Тихомирова, выраженная в его дневниках. С одной стороны, он осуждает немецкую жестокость, но вместе с тем его сравнения Вильгельма II с Николаем II были не в пользу последнего. Так, 3 июня 1915 года Лев Александрович сетует, что в России «нет центра народного единения. Государя *любят и жалеют* — это факт. Именно жалеют, т. е. хотели бы все ему помочь. Но мысль о Нем как о человеке, способном помочь России, — кажется, почти исчезла. Его слабость представляется, быть может, даже в преувеличенном виде... И вот — у нас нет того, что есть у немцев. У них Вильгельм — *центр*, ясный и бесспорный. У нас такого центра в сознании народа нет. А между тем — *война* ведётся, в сущности, только нами, Россией. Из остальных одна Англия кое-что делает. Остальные — ничего»²⁴.

Вот ещё несколько записей Тихомирова на ту же тему: «Победа Вильгельма с каждой неделей становится всё более несомненной. Весь вопрос лишь в том, насколько Германия *обессилена* досель войной?» «Обидно, как умён этот негодяй Вильгельм и как глупы мы с французами и англичанами». «Этот Вильгельм и немцы — как сами лишились образа человеческого, так и в куче прочих народов развили все мерзкие чувства — конечно, по силам каждого. Германия попыталась быть тигром, а мелкая дрянь — Италия, Болгария, Румыния — играют роль шакалов и гиен — стервоядных хищников»²⁵. Были у Тихомирова и экстравагантные предположения: «Я думаю, что тут вступилось в дело *масонство*. Вильгельм — масон»²⁶. Такое смешение ненависти и уважения к Вильгельму, его противопоставление Николаю II

как «слабому царю» не были редкостью. Один из современников событий фиксировал случаи «издевательств над царём» и в простом народе, отмечая: «...Именно популярен император германский... у него всякая машина есть»²⁷.

Безудержная кампания критики против германского монарха приводила к неизбежной дискредитации монархического принципа как такового или производила обратный эффект: «Во время войны в русской прессе постоянно печатались и карикатурные изображения глав вражеских государств, императоров Германии и Австро-Венгрии, турецкого султана, болгарского царя. Десакрализация глав враждебных монархий в русской прессе, отвечавшая, казалось бы, насущным задачам военно-патриотической мобилизации в России, могла ставить вопрос об авторитете любой монархической власти. Эту потенциальную опасность, похоже, недооценивали некоторые члены императорской семьи, но её хорошо ощущали русские монархисты»²⁸. Впрочем, как видно из приведённых выше строк, далеко не все...

Одним из немногих, выбивавшихся из хора проклятий и осуждений, был Булацель, который в 1916 году вызвал громкий скандал своим «заступничеством» за Вильгельма II. Возмущившись призывом британского премьер-министра Герберта Асквита привлечь кайзера к судебной ответственности за совершаемые немцами преступления, консервативный публицист опубликовал заметку, в которой категорически выступил против того, чтобы «венценосный глава Германской империи» предстал перед судом «из парламентских дельцов и адвокатов». Но не симпатия к Вильгельму руководила Булацелем. Он отмечал, что выдвинутая идея суда на кайзером заставляет Россию вести войну «не только до тех пор, пока наши упорные, храбрые и сильные враги — германцы — признают себя сломленными и согласятся на выгодный и почётный для России мир, а до тех пор, пока царствующая в Германии династия Гогенцоллернов не будет низложена русскими штыками». Булацель обращал внимание на то, что рассуждения о суде над венценосной особой вызваны «не столько верою в *осуществимость* такого суда, сколько желанием

через голову «кайзера» приучать в России народные толпы к мысли о возможности вообще какого-то «верховного суда» *над верховной властью*...»²⁹

Такая позиция не встретила сочувствия, а сам Булацель стал объектом газетной травли и насмешек. Многие правые поспешили откеститься от «германофильских» взглядов своего недавнего единомышленника. Однако тревога, выказанная Булацелем, была небеспочвенной. Ведь если «табу» на критику, брань и насмешки было снято в отношении германского императора, если дело дошло до публичных призывов к суду над ним, то естественным было ожидать, что подобная риторика в скором времени ударит и по императору российскому. Так впоследствии и произошло. Уже в эмиграции член РНСМА Юрий Сергеевич Карцов отмечал, что, втянувшись в популярную в распропагандированном обществе кампанию против немцев и их кайзера (который, кстати, был двоюродным братом императрицы Александры Фёдоровны), правые упустили из виду очень важное обстоятельство — они, сами того не желая, лили воду на мельницу антимоноархических настроений. «Откуда, — рассуждал Карцов, — взялась она, повальная ненависть к немцам, сверху и донизу охватившая русское общество? В основе её лежало стремление революционное и антидинастическое. Царь наш не русский, не Романов, а немец Гольштейн-Готторп, царица гессенская принцесса, или, как её в интеллигентских кругах называли, на русские хлеба севшая гессенская муха»³⁰.

Таким образом, русские консерваторы в значительной своей части, сами того не замечая, оказались в ловушке, выхода из которой не было. Памятуя их былую «слабость» к германскому кайзеру, общество в годы войны не сильно верило антигерманской риторике правых. Поэтому пафос обвинений в адрес «Вильгельма Кровавого», не только не спасал правых от подозрения в «германофильстве», но и, помимо их желания, вносил лепту в дело разрушения сакрального восприятия монархической власти. Путь от шельмования германского кайзера до утраты доверия к российскому императору оказался очень коротким...

Примечания

1. См.: Урибес-Санчес Э. Внешнеполитические взгляды правых // История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М. 1999. С. 391–398; Белянкина В. Ю. Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века. (1905–1914 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Кострома. 2005; Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М. 2007; Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914 — 1917). М.; СПб. 2013.
2. Суворин А. С. Россия превыше всего. М. 2012. С. 314–315.
3. Государственная дума. Созыв III. Сессия I. Стенографические отчёты.

СПб. 1908. Стлб. 2691.

4. Цит. по: Ромов Р. Б. Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912). Дис. ... канд. ист. наук. М. 2003. С. 416.
5. Соловьёв В. С. Смысл любви: Избранные произведения. М. 1991. С. 457.
6. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11. Л. 278 об., 332 об., 345 об., 408; Д. 13. Л. 1–1 об. (предоставил М. В. Медоваров).
7. Там же. Д. 13. Л. 1–1 об., 39–39 об.
8. Булацель П. Ф. Дневники // Российский гражданин. 1915. № 1. 31 декабря. С. 10.
9. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 990. Л. 983.
10. Там же. Д. 994. Л. 1311.
11. Там же. Д. 991. Л. 1047.
12. Сикорский И. А. Современная всесветная война 1914 года. Причины

войны и устранение их. Киев. 1914. С. 12.
13. Ковалевский П. И. Немцы (Психологический очерк) // Наши враги. Очерки проф. П. И. Ковалевского, С. Н. Сыромятникова (Сигма) и А. М. Михайлова. Вып. 1. Пг. 1915. С. 32–34.
14. Меньшиков М. О. Письма к русской нации. М. 1999. С. 516.
15. Новикова О. А. Несколько слов. Вып. 2. [Пг.] 1915. С. 12.
16. Деятельность Главного совета Союза русского народа // Вестник Союза русского народа. 1915. 17 июля.
17. Восторгов И. И. Во дни войны. Голос пастыря-патриота. Вып. 2. М. 1915. С. 52.
18. Новикова О. А. Указ. соч. С. 15.
19. Пуришкевич В. М. Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой

битве народов. Пг. 1916. С. 18, 36.
20. Там же. С. 36–37.
21. Там же. С. 37.
22. Солдатские песни Владимира Пуришкевича. Серия первая. Пг. 1914. С. 55.
23. Ковалевский П. И. Указ. соч. С. 34–36.
24. Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. М. 2008. С. 72–73.
25. Там же. С. 155, 164, 264.
26. Там же. С. 101.
27. Цит. по: Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М. 2010. С. 217.
28. Там же. С. 546.
29. Булацель П. Ф. Дневники // Российский гражданин. 1916. № 29. С. 14.
30. Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 1. Ед. хр. М-76 (1). Л. 203.